

УДК 94(47+57)

## ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СССР В 1920–1930-Х ГГ.

Иванцов И.Г.

*ГОУ ВПО «Краснодарский государственный институт культуры»  
Министерства культуры России, Краснодар, e-mail: kguki@list.ru*

В статье анализируются социально-экономические условия и факторы, являвшимися причиной различного рода злоупотреблений (с точки зрения действующей власти) в СССР, 1920-х – начала 1930-х гг. Архивные документы дают определенное представление о деятельности отдельных людей и целых организованных групп, занимавшихся незаконной торговлей валютой, спекуляцией дефицитными товарами на рынках и в области снабжения. Эти явления имели место в условиях, казалось бы, полного контроля экономической жизни в стране со стороны партийно-государственных органов контроля. Конечно, деятельность этих органов была направлена в первую очередь на контроль должностных лиц – коммунистов. Но и остальные категории граждан были под их «прицелом», и действовали они в тесной увязке с ОГПУ, милицией и прокуратурой. Документы опровергают бытующее мнение об абсолютном контроле партийного режима в конце 1920–1930-х гг. над социально-экономической сферой жизни общества.

**Ключевые слова:** валютные махинации, доходы населения, контроль, КК-РКИ, прожиточный уровень, спекуляция

## FEATURES CONTROL OF SOCIO-ECONOMIC RELATIONS IN THE USSR IN THE 1920–1930 S.

Ivantsov I.G.

*GOU VPO «Krasnodar State Institute of culture» of the Ministry of culture of Russia,  
Krasnodar, e-mail: kguki@list.ru*

This article analyzes the socio-economic conditions and factors that were the cause of various kinds of abuse (from the point of view of the current government) in the USSR, 1920s – early 1930s. Archival documents give some indication of the activities of individuals and organized networks engaged in illegal currency trading, speculation scarce goods in the markets and in the supply chain. These phenomena occurred in conditions seemingly complete control of economic life in the country by the party-state control. Of course, the activities of these bodies was directed primarily to the control of officials – the Communists. But also other categories of citizens were under their «sight», and they operated in close conjunction with the OGPU, the police and the prosecution. Documents refute the common opinion about the absolute control of the party regime in the late 1920–1930s on the socio-economic sphere of society.

**Keywords:** foreign Exchange fraud, income, control, QC-RCTS, level of subsistence, speculation

Разработка исторического опыта становления и развития советской системы партийно-государственного контроля позволяет не только существенно уточнить механизмы управления Советской Россией, СССР, обозначить методы и способы создания среди населения массовой опоры советскому режиму, но и приблизится к пониманию глубинных факторов развития отечественной истории в советский период. В частности разработка и исследования в этой области позволяют найти новые аргументы для ответа на давно дискутируемый в иностранной, а с середины 1980-х гг. – и в отечественной историографии вопрос о соотношении объективных и субъективных начал в советской социально-экономической политике.

Весьма интересным в этом отношении является вопрос контроля правящей партией ВКП (б) и государством в ее лице социально-экономического положения и отношений в стране. Были ли в 1920-х

и 1930-х гг., в СССР растратчики, коррупционеры, спекулянты и т.д. В программных заявлениях ВКП (б) всегда утверждалось, что с этими явлениями, характерными для капиталистического прошлого, было покончено навсегда. Но так ли это было на самом деле. Ведь известно, что в эти годы основная масса людей жила очень не богато и в городах, и особенно на селе. Естественно, у многих возникало желание заработать, пусть способами и методами, которые не разрешались правящим, партийно-государственным руководством страны. Таким образом, экономическая жизнь страны в означенный период имела свои особенности, связанные со спецификой ее развития.

Нельзя рассматривать систему противодействия растратам, различным злоупотреблениям в экономической сфере, в отрыве от экономической политики государства. Архивные материалы, их широкий выбор, содержащий сведения об уровне жизни людей, а, по сути, о его систематическом

ухудшении, уже начиная с (условно конечно) 1927 года свидетельствует о том. Ухудшение одновременно влекло за собой ужесточение партийно-государственного контроля экономической сферы жизни советского общества. Если в годы нэпа в этом вопросе еще и был некий либерализм во многих парторганизациях, то он быстро исчез. Уже к концу 1920-х годов местные органы КК-РКИ (Контрольные комиссии – Рабоче-крестьянские инспекции) ВКП (б), выявляли и жестко наказывали коммунистов за совершенно мелкие, ничтожные экономические махинации.

Так Павловской районной КК-РКИ ВКП (б), Северокавказского края, к примеру, было рассмотрено дело Ф.Д. Киселева, члена ВКП (б) с 1928 г., работавшего заведующим лавкой треста «Госспирт». По определению КК, пользуясь служебным положением, Киселев, собирал серебряную монету в «момент острого кризиса разменной монеты», хранил у себя 27 серебряных полтинников. Напомним, что в 1930 году серебряные монеты начали постепенно изыматься из денежного обращения. За это собирательство он получил строгий выговор с предупреждением как коммунист (за жажду наживы) и был снят с занимаемой должности как (правый) уклонист [6].

Гораздо более сурово был наказан заведующий лавкой ЕПО (Единого потребительского общества) Геленджикского района Северокавказского края, П.А. Трифонов, который (в 1931 г.) позволил кассиру удерживать и хранить в кассе 82 рубля разменной (серебряной) монеты. Краевой судебной тройкой он был приговорен к году принудительных работ, более 809 дней пробыл в «домзаке» (тюрьме), исключен из партии, снят с должности. Геленджикская КК отменила эти решения и ограничилась уже понесенным наказанием [7].

Эти примеры являются весьма характерными, поскольку «серебряная лихорадка», продолжалась в СССР много лет. Причем упорное противодействие попыткам «нечестно» заработать оказывалось всему населению, желавшему того. Тому доказательством служит докладная записка первого заместителя Председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды, заместителю председателя СНК СССР, В.В. Куйбышеву, называвшаяся: «О спекуляции банковским и разменным серебром советской чеканки», от 26 июня 1934 года. Копия была выслана и наркому Внешторга, Розенгольцу.

«За последние 6–8 месяцев повсеместно на территории Союза наблюдается усиленная скупка и спекуляция банковским и разменным серебром советской чеканки.

Скупщики, в основном лица без определенных занятий, бывшие кустари, торговцы и деклассированный элемент, переплавляют его в слитки и изделия, сдают их в магазины «Торгсина» в обмен на товарные книжки, которыми в свою очередь спекулируют, продавая по цене от 40 до 65 рублей за товарный рубль.

На серебро советской чеканки установился курс, колеблющийся от 9 до 13 рублей за банковский и от 3 до 5 рублей за разменный серебряный рубль.

От этих преступных операций спекулянты получают огромную прибыль, так как «Торгсин» за 50 штук банковских рублей, в перелитом виде образующих слиток в 1 кг, 84 пробы, выдает 14 валютных рублей.

Точного учета поступивших в «Торгсин» слитков нет, однако, по некоторым данным в числе поступившего общего количества серебра в виде различных изделий, лома и т.п. имеется слитков (а они преимущественно сделаны из серебряной монеты советской чеканки), 5–7%, что составляет по отношению ко всему поступившему серебру 1,200–1,700 тысяч золотых рублей.

По данным Эмиссионного Управления Госбанка, числится не изъятыми из обращения на сегодняшний день 65 млн банковской и 165 млн разменной серебряной монеты советской чеканки, которая может стать предметом преступной спекуляции, принося огромные убытки государству, так как Торгсин, в порядке выполнения своего плана по серебру, стремится принимать слитки серебра любого изготовления.

В целях прекращения этого явления, ОГПУ считает необходимым запретить В/О «Торгсин» прием слитков и изделий из серебра, не опробированных установленным порядком в пробирной палате» [1].

В докладной записке НКВД, за подписью Г.Г. Ягоды в СНК СССР о мерах по борьбе со спекуляцией, от 31 июля 1934 г. говорилось следующее: «Органы НКВД в борьбе со спекуляцией привлекли к ответственности за первое полугодье 1934 года – 58 314 чел. За этот же период, кроме того, было выслано из крупнейших городов Союза – 53 000 лиц без определенных занятий, шатавшихся на рынках, спекулировавших ... Несмотря на такое большое количество привлеченных и высланных рынки наводнены спекулятивным элементом» [2].

Эта докладная записка имела весьма серьезные последствия, поскольку по всей стране развернулась охота на мелких коммерсантов и торговцев, прирабатывавших спекуляцией.

Желая взять под контроль любые социально-экономические проявления, любую

частнопредпринимательскую инициативу граждан, государство много лет такой инициативе противодействовало, используя широкий набор инструментов. Так 5 июня 1935 года М.Ф. Шкирятов, член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б), направил докладную записку В.М. Молотову. Она называлась «О широком использовании частником комиссионных магазинов». «Спекулятивный элемент, вследствие отсутствия контроля со стороны органов регулирования торговли широко использовал комиссионные магазины, как легальную форму для спекуляции и сбыта, краденых вещей и государственного имущества. ... Использование частником в больших размерах комиссионных магазинов в целях своей наживы стало возможным в результате засоренности аппарата комиссионных магазинов классово-чуждым и преступными элементами, многие из которых фактически состояли на службе у этих спекулянтов...» [3].

Его же записка от 17 октября 1935 года, В.М. Молотову «О спекуляции промтоварами на базарах»: «В Харькове спекуляция фактически легализована. Милиция установила там такой порядок: спекулянт, постоянно торгующий на рынке, помимо разового сбора – (2 руб.) уплачивает ежедневно милиции пять-десять рублей штрафа, после чего легально производит свои спекулятивные операции» [4].

Сложившемуся экономическому положению было много причин. Одной из них было определенное имущественное разделение, расслоение населения страны.

Наиболее высокой была заработная плата ответственных работников. Выделение их в особую категорию произошло в самые первые годы советской власти. В основу такого выделения были положены долж-

ностной и географической (чем более необжитые и малонаселенные районы – тем выше зарплата) принципы одновременно. По постановлению ВЦИК, опубликованному 7 октября 1919 г., все ответственные политические работники делились на 5 разрядов. В пятый, высший, входили члены ВЦИК, СНК, коллегий наркоматов, члены президиума исполкома Петрограда. Члены исполкомов других губернских городов, попадали в более низкие категории.

С 1920 г. началась унификация оплаты труда для советских, партийных и военных руководителей. Этот процесс продолжался и все первые годы нэпа. Тогда, помимо деления по должностным разрядам, появилась разбивка по советской и промышленной (более высокой) группам. При этом ответственные партийные и советские работники были отнесены не к советской, а к промышленной группе. Хотя реальное значение заработной платы в годы Гражданской войны и первые годы нэпа было невелико (важным был размер продовольственного пайка), обособление ответственных работников от других слоев и групп населения и дифференциация внутри категории самих руководящих работников представляли собой симптоматичное явление.

Принятие в 1922 г. XII Всероссийской партийной конференцией решения об оплате труда партийных и иных ответственных работников знаменовало собой окончание этапа, в течение которого шел поиск оптимального с точки зрения партийного и государственного аппарата способа оплаты труда ответственных работников.

К середине 1920-х гг. принципы оплаты были в основном установлены и далее корректировались в зависимости от разных условий.

#### Штатное расписание аппарата Армавирской городской КК-РКИ ВКП (б) на 1932 год.

№ п/п	Наименование должности	Кол-во единиц	Должностной оклад
1	Председатель городской КК-РКИ ВКП (б)	1	Назначается особо Краевой КК
2	Зам. председателя – ответственный секретарь партколлекции	1	тоже
3	Заведующий «Бюро жалоб»	1	200 рублей
4	Партийный следователь	1	185 рублей
5	Инспектор по строительству	1	300 рублей
6	Инспектор по массовой работе	1	185 рублей
7	Инспектор по общественному питанию	1	185 рублей
8	Инспектор по ценам, наценкам и финансовой работе	1	185 рублей
9	Инспектор по промышленности	1	185 рублей
10	Управляющий делами КК-РКИ (делопроизводитель)	1	150 рублей
11	Машинистка	1	100 рублей
12	Рассыльная	1	50 рублей

Начиная с этого времени оплата труда партийных, советских и прочих ответственных работников уступал в это время размеру заработной платы специалистов, но превышали оклады и зарплату остальных групп советских граждан. Это оставалось характерным и для 1930-х гг. Например, Армавирская городская КК-РКИ ВКП (б) Северокавказского края представила на утверждение в вышестоящий орган штатное расписание своего аппарата (с 1 января 1932 г.), с указанием размера заработной платы.

Как видно из данной таблицы, самой крупной была зарплата инспектора по строительству, относимая к промышленной группе.

Необходимо заметить, что уже с первых лет советской власти стала складываться практика пополнения партийного бюджета за счет государственных средств. В годы нэпа, в условиях становления рыночных отношений, она еще более усилилась, а с 1923 г. приняла характер системы. Преодоление финансового кризиса в середине 1920-х гг. сняло остроту проблемы, но сам принцип материальной (не только в денежном, но и натуральном выражении) поддержки партийных органов государственными структурами оказался живуч. На этом стоит остановиться немного более подробно.

Поборами занимались, если можно так выразиться, все кому не лень, особенно если это ничем особым не грозило. Поборами занимались, в частности, и органы милиции. Они расхищали сдаваемое в милицию в качестве вещественных доказательств имущество, присваивали отобранные у спекулянтов товары. Через подставных лиц покупали (дешево) на торгах кулацкое имущество. Районное управление милиции (РУМ) Кушевского района Северокавказского края, например, занималось поборами с Кушевского сельпо. Получая деньги на хлеб для заключенных, «прикарманивали их», занимались финансовыми махинациями. В Кушевском районе, в начале октября 1932 г., целый ряд дел, касавшихся подобных деяний был передан в прокуратуру [8].

Государство, в лице органов партийно-государственного контроля, имело являлись широкие возможности по выявлению различных финансовых и экономических махинаций. Этими вопросами, выявления и передачи дел в суд занимались специализированные органы – Рабоче-крестьянские комиссии и их добровольный актив (т.е. помощники). Главный орган партийно-государственного контроля, Центральная контрольная комиссия (ЦКК), строжайше требовала от местных органов контроля, в лице краевых, областных, окружных и районных

КК-РКИ ВКП (б) (Контрольные комиссии – Рабоче-крестьянские инспекции), всех выявленных растратчиков и расхитителей, безусловно, исключать из партии и предавать суду. А сами факты растрат и хищений предавать огласке через местные печатные органы, для создания определенного общественного мнения [5].

Конечно, примеры противодействия различным злоупотреблениям органов партийно-государственного контроля, выявленным в архивных фондах, можно перечислять и перечислять. Но одной из основных причин сложившегося положения являлся низкий уровень жизни и заработной платы. Ведь сумма денег, выплачиваемая государством работнику, представляла собой номинальную заработную плату. Но для человека труда важна не сама по себе получаемая им за работу денежная сумма, а, то количество благ, которое можно приобрести на нее. А приобрести можно было не так уж и много.

Для примера можно привести документ из фондов РГАЭ, который дает представление о ценах на основные продукты питания и расходах на них в бюджете фабрично-заводских семейных рабочих на 1933 год. Документ представляет собой сводку по ценам на основные продукты питания. Причем цены разделены на общеторговые, цены государственной торговли и кооперации, наконец цены рыночные.

Итак, семейный рабочий за 1933 год на хлеб ржаной в среднем тратил по ценам общеторговым – 27 рублей, госторговым и кооперативным – 25 рублей, а по рыночным – 321 рубль. На хлеб пшеничный он тратил по ценам общеторговым – 60 рублей, госторговым и кооперативным – 59 рублей, а по рыночным – 481 рубль. На мясо соответственно – 418, 360 и 1304 рубля. На сало соответственно – 2018, 1189 и 2769 рублей. На масло коровье соответственно – 1053, 837 и 3937 рублей. На картофель соответственно – 27, 22 и 203 рубля. На рыбу – 273, 270 и 704 рубля соответственно [10].

О чем говорят эти цифры, особенно если учесть уровень зарплат того времени. Да только об одном, что, по крайней мере, в 1933 году фабрично-заводские рабочие жили просто впроголодь. Даже если, в лучшем случае, они отоваривались в заводских распределителях и хлебных лавках по ценам государственной торговли и кооперации, а также обедали в заводских столовых.

Ну а теперь достаточно вспомнить, сколько же благ можно было приобрести на зарплату, которая в зависимости от квалификации рабочего колебалась в среднем от 100 до 200 рублей [9].

В десятилетие, начиная с 1927–1928 гг., в эпоху повального дефицита и отсутствия всего самого необходимого, начиная с продовольствия и заканчивая одеждой, обувью и т.д. Это уж не говоря о колхозниках, получавших по сравнению с рабочими, деньгами, сущие крохи. Хотя там, начиная с 1935 г. экономическое положение колхозников значительно улучшилось, что было в первую очередь связано с так называемым периодом «сталинского колхозного неонэпа».

Экономическое положение населения не улучшалось, что вызвало необходимость практического применения методов повального партийно-государственного контроля над всем и вся, применения репрессий ко всем недовольным режимом, выразившимся в начавшихся арестах, увольнениях, «чистках рядов», лишениях политических прав. Все это неизбежно влекло за собой и ограничения экономического характера.

Нельзя не признать, что методы контроля советского общества специальными партийно-государственными органами были эффективны, т.е. поставленные задачи, как правило, выполнялись. Но другой вопрос, а какой ценой достигалась такая эффективность. Когда рабочий люд в городах жил впроголодь, ходил в старье, а то и просто в рвань. Да, к середине 1930-х г., экономическое положение населения начало посте-

пенно улучшаться, но как быть с памятью обо всех неоправданных лишениях предшествующего периода, оставшейся навсегда в народной памяти. Экономическое положение несколько улучшилось в связи с временной либерализацией в экономике. Однако в общественной жизни сохранялась и усиливалась диктатура партии, которая затем и привела к массовым репрессиям в 1937 году.

#### Список литературы

1. ГАРФ (Государственный архив российской Федерации). Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 1071. Л. 5-6.
2. ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 15а. Д. 1071. Л. 16–20.
3. ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 16а. Д. 402. Л. 3–16.
4. ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 16а. Д. 404. Л. 11–17.
5. Иванцов И.Г. Некоторые инструменты партийно-государственного контроля советского общества 1920-х – начала 1930-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 6. Часть 1. – С. 136–139. – URL: [www.rae.ru/upfs/?section=content&op=show\\_article&article\\_id=6860](http://www.rae.ru/upfs/?section=content&op=show_article&article_id=6860) (дата обращения: 30.07.2015).
6. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 8350. Оп. 1. Д. 13. Л. 41.
7. ЦДНИКК. Ф. 12174. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.
8. ЦДНИКК. Ф. 431. Оп. 1 Д. 26а. Л. 4–7. Ф. 10702. Оп. 1. Д. 10. Л. 147–147 об.
9. ЦДНИКК. Ф. 10587. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.
10. Цены на продукты питания по бюджетам фабрично-заводских семейных рабочих основных промышленных районов по кварталам 1933 года. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562. Оп. 3299. Д. 62. Л. 134.